Он изо всех сил замахнулся на идеальное, словно высеченное из камня лицо Отто. Глаза Сэмуэла покраснели, а по щекам текли слезы — то ли физиологическая реакция, то ли слезы от унижения.

— Да что ты понимаешь?!

Сэмуэл тяжело дышав, а это брошенное Отто небрежное слово словно приподняло уголок хранимых им с таким трудом воспоминаний. Боль и жгучее раскаяние терзали каждую клеточку его тела. Его пронизывала такая невыносимая боль, что он едва мог сдерживаться и лишь бессвязно повторял:

— Что ты понимаешь?

Этот тихий упрек быстро затих, рассыпавшись на осколки.

Сэмуэл, словно одинокая лодочка, бесконечно кренился и качался на волнах, опрокидываемый бушующей, свирепой морской стихией. Ему показалось, будто перед глазами мелькнула белая вспышка, после чего мир погрузился во тьму, и он потерял сознание.

Во всей герметичной Водная темница витал переплетающийся запах лаванды и солоноватого моря. Отто выровнял дыхание и перевел взгляд на Сэмуэла, лежащего без движения, словно мертвец.

Он подхватил его на руки и решительно швырнул на белоснежное ложе. Церемониться Отто не стал: Сэмуэл тяжело рухнул на постель, но даже от такого удара не проснулся. Он лишь сжался в комок, уткнулся лицом в подушку и тихонько всхлипнул.

Отто волоча за собой рыбий хвост, уже хотел уходить, но его талию обвила пара рук. Температура тела Сэмуэла была выше, чем у Отто — обжигающе горячая.

Сэмуэл находился в полубессознательном состоянии, движимый лишь первобытной жаждой феромонов или объятий. Выглядел он при этом донельзя привязанным.

Отто обернулся, прищурившись, намереваясь оттолкнуть его, но стоило Сэмуэлу качнуться и потертись о него, как вспыхнуло пламя, взметнувшееся вверх в мгновение ока. Запах лаванды то появлялся, то исчезал, действуя на удивление соблазнительно.

По правде говоря, Отто не так-то легко давалось отказывать такому Сэмуэлу.

Когда хладнокровный зверь вдруг обнажает перед тобой свое мягкое брюшко, это трогает куда сильнее, чем существа, которые изначально остаются нежными и милыми.

Такова порочная сущность альф: они податливы на ласку, но не терпят давления.

Так Отто и позволил Сэмуэлу продержать себя в объятиях всю ночь. Ночное зрение у русалок развито великолепно: даже после того, как факелы погасли, он отчетливо видел в темноте лицо Сэмуэла.

Тот хмурил брови, словно в глубине его души таилась целая гора неразрешимых проблем, которыми он ни с кем не мог поделиться.

Ближе к рассвету он оттолкнул прильнувшего к нему мужчину и бросился в ледяную воду бассейна, чтобы вернуть ясный рассудок, запечатав ледяной коркой ту мягкость, что тронула его сердце.

Русалки — народ невероятно преданный, за всю жизнь у них бывает лишь один истинный партнер. Отто был еще очень молод и никогда прежде не любил русалку, а потому Сэмуэл оказался для него первым меченым существом, что и породило столь тонкое, обманчивое чувство в его отношении к нему.

Он поднял перепончатую ладонь и коснулся прекрасного лица Сэмуэла. Обвив край постели своим длинным, величественным черным рыбьим хвостом, Отто застыл с мрачным, нечитаемым взглядом. Затем он приподнял руку, выпуская острые когти, и направил их прямо к горлу Сэмуэла…

Но тут же резко замер.

Да и ладно, — подумал Отто, собираясь уходить. Даже если он прикончит Сэмуэла прямо здесь, остающиеся на поверхности люди все равно не оставят его в покое, так к чему множить лишние хлопоты.

С того дня Отто больше не беспокоил Сэмуэла, уединенно держась поодаль у другой стены Водная темница, будто между ними пролегла невидимая черта.

У Сэмуэла вечно находилось море нескончаемых документов и армейских приказов, а что до Отто… честно говоря, Сэмуэл понятия не имел, чем тот занимается целыми днями и как русалки обычно развлекаются в морских глубинах.

От самого Отто добиться каких-либо полезных выводов было невозможно: большую часть дня он тратил на уход за своим хвостом из черной чешуи, а оставшуюся малую толику времени уделял Сэмуэлу, делясь феромоном — или, если выражаться точнее, выполняя свои обязательства по сделке.

В какой-то момент Сэмуэл сделал себе укол Ингибитор и ненадолго выбрался наружу. Долгая заточка в Водная темница приучила его к полумраку, и вырвавшись на волю, он едва не ослеп

от яркого солнечного света.

Интересно, а если эту рыбину Отто продержать в Водная темница целых десять месяцев, его тоже ослепит солнце? — подумал Сэмуэл.

Личная гвардия рыцарей Харри проводила плановые тренировки, но стоило Сэмуэлу распахнуть двери полигона, как практически все рыцари-альфы рухнули на землю от накатившей волны его феромонов, блев от тошноты.

— … — Сэмуэл нахмурился. — Вы чем тут занимаетесь?

— Кхе… кхе… — Уильям выблевал так сильно, что его лицо приобрело синюшный оттенок. — Командир… от вас так несет… кхе…

Какой густой феромон! До какой же степени безумия их главарь и эта русалка предавались страсти, раз от него исходит аромат столь чудовищной концентрации?

Все тело… нет, казалось, будто его кровь обновилась изнутри до самого основания.

Сэмуэл не собирался тратить время на пустые разговоры:

— Продолжайте тренировку.

Он предъявлял высочайшие требования к подчиненным и каждый день устраивал им изнуряющие, адские тренировки — в конце концов, именно это служило его главным козырем в глазах императорской семьи, позволявшим защищать себя и весь свой род.

По сей день для большинства альф из имперских ведомств единственным способом усилить свою мощь оставалось поедание Железа русалок. Эффект от этого был ошеломляющим: некоторые альфы, изначально неспособные даже материализовать свои феромоны, за неполный месяц употребления в пищу Железа совершали колоссальный скачок в боевых способностях.

На фоне подобного безумного увлечения Железа русалок Рыцарский орден под предводительством Сэмуэла выглядел оазисом чистоты.

Главным и непреложным правилом для вступления в Рыцарский орден Сэмуэла был строгий запрет на употребление в пищу русалочьих Железа.

Разумеется, находились и завистники из числа аристократов, заглядывавшихся на Семья Харри, которые за спиной презрительно шипели, что Сэмуэл лишь притворяется праведником:

— В такую эпоху и чтобы никто не ел Железа русалок?

С тем положением и влиянием, что имеет Сэмуэл Харри, он наверняка пожирает их больше всех.

Хотя сами члены рыцарского отряда категорически отрицали, что когда-либо пробовали Железа, подавляющее большинство жителей империи, включая самих русалок, молчаливо воспринимали это как данность.

Даже Отто, наслышанный о том, что Сэмуэл — едва ли не сильнейший альфа среди людей, изначально составил о нем предвзятое мнение, считая, будто тот ради наращивания концентрации феромонов и физической силы безудержно поглощает Железа русалок.

Именно поэтому поначалу он испытывал к нему лютую ненависть и отвращение.

Но теперь, когда Сэмуэл столько дней провел бок о бок с ним, практически не отходя ни на шаг — дворецкий исправно приносил два абсолютно одинаковых обеда ежедневно — Отто так и не заметил ничего подозрительного в порции Сэмуэла.

Если не считать того, что взгляды на эту пищу у них были диаметрально противоположными: Отто жевал ее с выражением лица человека, жующего солому, и проглатывал с ненавистью, в то время как Сэмуэл прищуривался, смакуя каждый кусочек с ленцой сытого кота.

http://bllate.org/book/33298/4088741